

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 172–192.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 3. P. 172–192.

Научная статья

УДК 343(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/172-192>

**УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС КИТАЯ:
СПЛАВ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ
Часть 2***

Александр Иванович Чучаев¹, Александр Иванович Коробеев²

¹ Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия, mokshal@rambler.ru

² Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа, г. Владивосток, Россия, akorobeev@rambler.ru

Аннотация. В статье отражены основные современные тенденции уголовной политики Китая в криминализации деяний, в том числе обусловленных поправками № 11 от 26 декабря 2020 г., показана специфика архитектуры Особенной части УК КНР 1997 г., дана характеристика наиболее распространенных преступлений, приводятся нормы, которые регламентируют ответственность за преступные деяния.

Ключевые слова: Китай, уголовное право, Особенная часть УК 1997 г., структура, поправки № 11, составы преступлений, ответственность за преступные деяния.

Для цитирования: Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч. 2 // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 3. С. 172–192. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/172-192>

© Чучаев А. И., Коробеев А. И., 2022

* Окончание. Начало см.: Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 119–133.

Original article

THE CRIMINAL CODE OF CHINA: FUSION OF LEGAL THOUGHT AND NATIONAL SPECIFICITY Part 2*

Alexander I. Chuchaev¹, Alexander I. Korobeev²

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mokshal@rambler.ru

² Far Eastern Federal University, School of Law, Vladivostok, Russia, akorobeev@rambler.ru

Abstract. The article reflects the main modern trends in the criminal policy of China in the criminalization of acts, including those caused by amendments No. 11 of December 26, 2020; shows the specifics of the architectonics of the Special Part of the PRC Criminal Code; characterizes the most common crimes; provides for the norms that regulate responsibility for criminal acts.

Keywords: China, Criminal Law, Special Part of the 1997 Criminal Code, Structure, Amendment No. 11, Offense, responsibility for criminal acts.

For citing: Chuchaev A. I., Korobeev A. I. The criminal code of China: fusion of legal thought and national specificity. Part 2 // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol 24, no 3. P. 172–192. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-3/172-192>

Характеристика Особенной части УК КНР

Как уже отмечалось в первой части нашего исследования [1], оставаясь по-прежнему на позициях социалистического уголовного права, законодатель в УК 1997 г. [2] всё же смягчил идеологическую направленность Кодекса, что нашло своё отражение не только в изменении названия отдельных статей и целых глав Особенной части УК, но и в новой конфигурации круга преступного и уголовно наказуемого. Однако «родимые пятна» социализма наиболее наглядно проявились именно в нормах Особенной части УК, на что будет обращено внимание по мере анализа соответствующих новелл.

Особенная часть УК 1997 г. по вполне понятным причинам подверглась наибольшей реорганизации. Преобразования коснулись прежде всего самой её системы. Если Особенная часть УК КНР 1979 г. [3] содержала 8 глав и включала в себя 103 статьи, то в УК Китая 1997 г. насчитывается уже 10 глав и более

---

* End. For the beginning, see: Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. 2022. V. 24, no. 2. P. 119–133.

374 статей (с учётом дополнительно принятых). Обращает на себя внимание и то, что появились не только новые главы, ранее не известные уголовному законодательству Китая (например, «Преступления против интересов обороны страны» – гл. 7; «Коррупция и взяточничество» – гл. 8; «Преступления военнослужащих против воинского долга» – гл. 10), но и серьёзно изменилась сама структура некоторых глав: в них появились параграфы.

Открывается Особенная часть традиционной для уголовного законодательства стран социализма главой «Преступления против государственной безопасности». Содержащиеся в ней виды преступлений уже не именуется «контрреволюционными» (как это имело место в УК КНР 1979 г.). И в этом как раз проявляется элемент деидеологизации современного уголовного законодательства Китая. Однако в отличие от европейских и многих других государств мира, поставивших в иерархии охраняемых при помощи уголовного права ценностей на первое место интересы личности, её права и свободы, китайский законодатель по-прежнему ставит во главу угла интересы государственной безопасности, что, очевидно, можно расценивать как «рудимент» социалистического правосознания. К слову сказать, не находим мы норм об ответственности за посягательства на личность ни во второй, ни в третьей главах Особенной части УК. Подобные новеллы обнаруживаются лишь в гл. 4, что также представляется весьма симптоматичным.

Такой подход к определению законодательных приоритетов, как справедливо отмечается в литературе, отнюдь не случаен. «На протяжении всего периода реформ ассоциируемая с безопасностью страны политическая стабильность играет важную роль в приоритетах китайского руководства. Власти убеждены, что преступления против государственной безопасности серьёзно подрывают устой общества, создают большие препятствия на пути социально-экономических преобразований, в корне противоречат интересам народных масс» [4, с. 53]. Вот почему, по мнению законодателя, именно данную категорию преступлений необходимо отнести к самым опасным посягательствам на интересы социалистического Китая.

Глава 1 «Преступления против государственной безопасности» Особенной части УК Китая содержит 12 статей, предусматривающих ответственность за различные виды посягательств на интересы государственной безопасности. Статьи данной главы (как и всех последующих) не имеют заголовков. Однако по своему составу и описанию в законе предусмотренные данными статьями преступления в известной мере схожи с аналогичными деяниями, зафиксированными в своё время в разделе «Государственные преступления» УК РСФСР 1960 г. (во всяком случае чем-то отдаленно они их напоминают). Поэтому многие из анализируемых преступлений из УК Китая можно обозначить традиционными для российского уголовного права терминами.

Так, в ст. 102, 103, 105, 108, 109, 110, 111 УК Китая речь идёт, по сути дела, о различных формах государственной измены: в форме сговора с иностранным государством (ст. 102), в форме раскола государства или подстрекательства к таковому (ст. 103), в форме свержения государственной власти и социалистического строя или подстрекательства к нему (ст. 105), в форме предательства (ст. 108), в форме бегства за границу или невозвращения из-за рубежа (ст. 109), в форме шпионажа (ст. 110), в форме выдачи государственной тайны (ст. 111).

В отдельные нормы выделены вооружённый мятеж или вооружённые массовые беспорядки (ст. 104), снабжение противника оружием и военной техникой (ст. 112).

Обращает на себя внимание крайняя суровость санкций, предусмотренных за совершение преступлений данной категории: почти за все из них, в случае причинения особо крупного ущерба государству и народу и при особо отягчающих обстоятельствах, может быть назначена смертная казнь.

От рассматриваемых преступлений необходимо отграничивать некоторые смежные деяния, ответственность за которые предусмотрена нормами иных глав УК. Так, разглашение государственной тайны умышленно или по неосторожности сотрудниками государственных или негосударственных органов карается по ст. 398 УК как должностное преступление. Разглашение военной тайны военнослужащими – по ст. 432 УК как воинское преступление.

Глава 2 «Преступления против общественной безопасности» наряду с известными ранее преступными деяниями (поджог, затопление, взрыв, применение отравляющих веществ, направленных на разрушение соответствующих объектов; повреждение транспортных средств и путей сообщения; нарушение правил транспортных перевозок, техники безопасности и др.) содержит ряд новых положений. Число норм, по сравнению с УК КНР 1979 г., в данной главе увеличилось почти в три раза.

Так, заметно расширился круг норм об ответственности за транспортные преступления. В процессе криминализации указанных деяний законодатель сохранил традиционный подход к конструированию соответствующих статей: две из них (ст. 116, 117) сформулированы по типу деликтов создания опасности; третья норма (ст. 119) предусматривает ответственность за повреждение транспортных средств и транспортных сооружений лишь при наличии «серьёзных последствий». Ещё две новеллы посвящены угону транспортных средств. Ответственность дифференцируется в зависимости от специфики угоняемого транспортного средства. Угон воздушного судна по ст. 121 УК карается более строго, чем угоны морских, речных судов или автомобилей (ст. 122 УК). Примечательным является то обстоятельство, что все разновидности угонов (включая угоны автотранспортных средств) законодателем расцениваются как транспортные преступления, а не посягательства на собственность.

В самостоятельный вид преступления выделено «насилие по отношению к любому, находящемуся на борту воздушного судна» (ст. 123 УК).

Впервые в специальных нормах регламентируется уголовная ответственность за нарушение работниками авиации правил и порядков, явившихся причиной авиапроисшествия (ст. 131), и за нарушение работниками железнодорожного транспорта правил и порядков, явившихся причиной аварий на железной дороге (ст. 132). Что касается водного транспорта, то он почему-то оказался обделён вниманием законодателя. Впрочем, возможный законодательный пробел вполне компенсируется за счёт ст. 133 УК, в которой речь идёт о «нарушении законоположений об управлении движением транспорта». При помощи столь неконкретизированной терминологии данным уголовно-правовым запретом можно охватить соответствующие нарушения не только на сухопутном, но и на морском (речном) транспорте. В этой же норме установлена ответственность за бегство с места аварии (аналог бывшей ст. 265 УК РФ).

Целая серия норм регламентирует ответственность за преступные деяния, связанные с оружием. Уголовным преследованием по УК Китая караются как незаконные изготовление, купля-продажа, транспортировка, почтовая пересылка, хранение стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (ст. 125), так и нарушение правил контроля за стрелковым оружием (ст. 126), хищение оружия (ст. 127), незаконное владение оружием (ст. 128). Уголовная ответственность установлена также за несвоевременный рапорт об утере стрелкового оружия (ст. 129) и появление с ним в общественном месте или в общественном транспорте (ст. 130).

Характерной особенностью УК Китая является то, что субъектами ряда преступлений (ст. 125, 126) могут быть не только физические, но и юридические лица.

Ещё одна группа норм регламентирует ответственность специальных субъектов за нарушение разного рода правил техники безопасности, строительных стандартов, правил эксплуатации учебных заведений, правил противопожарной безопасности (ст. 135, 137–139 УК).

Однако особую роль в анализируемой главе стали играть в последнее время ст. 120 и 120-1 УК, в которых речь идёт о терроризме. Дело в том, что в процессе всеобщей глобализации волна международного терроризма всё чаще стала захватывать и Китай. В результате число террористических актов в этой стране в последние годы увеличилось. В ст. 120 УК предусмотрена ответственность организаторов, руководителей и иных участников террористических организаций. По ст. 120-1 квалифицируются действия лиц, оказывающих финансовую помощь террористической организации.

Глава 3 «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка» УК не только отличается высочайшей степенью казуистичности при описании соответствующих составов преступлений, но и

является самой большой по количеству содержащихся в ней статей (ст. 140–231). Столь обширное число норм, а также разнообразие охраняемых уголовным законом непосредственных объектов преступлений побудили законодателя подвергнуть данную главу делению на параграфы. В итоге структурно она выглядит следующим образом:

- преступления, связанные с производством и реализацией фальсифицированной и некачественной продукции (§ 1);
- контрабанда (§ 2);
- преступления, связанные с нарушением порядка руководства компанией, предприятием (§ 3);
- преступления, связанные с нарушением порядка финансовых операций (§ 4);
- преступления, связанные с финансовым мошенничеством (§ 5);
- преступления против порядка налоговых сборов (§ 6);
- преступления против интеллектуальной собственности (§ 7);
- преступления против рыночного порядка (§ 8).

Уже из одного только приведённого перечня видно, насколько широк и разнообразен круг правонарушений в экономической сфере, криминализированных законодателем Китая. Специфика уголовно-правовой регламентации ответственности за данные преступления заключается в следующем.

Во-первых, в круг преступных и уголовно наказуемых вошли все без исключения классические виды экономических преступлений, известных по УК КНР 1979 г. К ним относятся: контрабанда (ст. 151–157 УК), производство и реализация поддельных лекарственных средств (ст. 141 УК), изготовление фальшивых денежных знаков (ст. 170 УК), подделка финансовых документов (ст. 177 УК), подделка торговой марки (ст. 215 УК) и др.

Во-вторых, данный круг был резко расширен за счёт включения в него многочисленных новелл, предусматривающих ответственность за абсолютно (или относительно) новые виды экономических преступлений. Так, уголовно-правовой запрет впервые был установлен за регистрацию предприятий с использованием поддельных документов или сообщение ложных сведений об уставном капитале (ст. 158); сокрытие важных фактов или фабрикацию серьёзной дезинформации в проспектах эмиссии, подписке на акции и т. д. (ст. 160); предоставление компанией акционерам или общественности ложной или утаивающей важные фактические данные финансово-бухгалтерской отчётности (ст. 161); самовольное хранение валюты за границей или незаконный перевод валюты за границу (ст. 190); мошенничество в области страхования (ст. 198); подделку или использование без разрешения чужого патента (ст. 216); незаконное использование рекламы (ст. 222).

В-третьих, многие нормы носят ярко выраженный описательный характер, включают большое число оценочных признаков, в целом отличаются высокой

степенью казуистичности, что вызывает известные трудности даже в процессе уяснения их смысла. С ещё большими трудностями, вероятно, сталкиваются китайские правоохранители при применении таких норм на практике. Иллюстрацией к сказанному может служить, например, редакция ст. 182 УК.

В-четвёртых, за совершение многих видов экономических преступлений в УК установлена ответственность юридических лиц. В санкциях этих норм фигурирует штраф. Причем размер его весьма значителен. Очевидно, по мысли китайского законодателя, привлечение к уголовной ответственности, наряду с физическими, и юридических лиц призвано повысить эффективность борьбы с подобными преступлениями.

Глава 4 «Преступления против прав личности и демократических прав граждан» включает в себя более 30 статей. В них предусмотрена ответственность за разного рода посягательства на личность. Открывается глава серией норм, регламентирующих ответственность за преступления против жизни и здоровья человека.

Однако в отличие от УК КНР 1979 г. убийством стало признаваться лишь умышленное причинение смерти потерпевшему. В УК Китая 1997 г. (как и в УК РФ) «неосторожные действия, приведшие к смерти человека», убийством не именуется. Небезынтересно также отметить, что в Особенной части УК Китая не только не содержится определение понятия убийства, в нём также нет ни квалифицированных, ни привилегированных составов этого преступления. Между тем санкция даже за простое убийство предусматривает наказания в виде смертной казни, пожизненного лишения свободы, лишения свободы на срок свыше 10 лет.

Слабо дифференцирована ответственность за посягательства на здоровье потерпевшего. В ст. 234 УК Китая говорится лишь о «причинении вреда здоровью», «тяжком телесном повреждении» и «тяжком увечье». Исходя из контекста нормы можно предположить, что в её части первой речь идёт, скорее всего, о причинении «среднетяжкого», а в части второй – тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Как уже говорилось, в Общей части УК раскрывается понятие тяжкого телесного повреждения. Под ним в ст. 95 УК понимается:

- 1) нанесение увечий, лишение человека конечностей или обезображивание лица;
- 2) потеря слуха, зрения либо утрата другими органами их функций;
- 3) иной серьёзный вред здоровью.

Гораздо детальнее регламентируется ответственность за изнасилование (ст. 236) и похищение женщины или ребенка в целях продажи. Интересно отметить, что по китайскому законодательству как изнасилование расцениваются и развратные действия в отношении девушки, не достигшей 14 лет. (Уж не эту ли китайскую «придумку» использовал российский законодатель, когда в 2012 г. формулировал примечание к ст. 131 УК РФ?). Данная норма, кроме того, содержит

целый ряд квалифицирующих признаков: 1) изнасилование, совершённое с особой жестокостью; 2) неоднократное изнасилование; 3) публичное изнасилование; 4) изнасилование группой лиц; 5) причинение смерти потерпевшей или иных серьёзных последствий.

Ещё большей дифференциацией отличается ответственность виновных в похищении женщины или ребёнка в целях продажи.

Квалифицированными видами этого преступления признаны: совершение его группой лиц; похищение в целях продажи женщин и детей в количестве трёх и более человек; половое сношение с женщиной, похищенной в целях продажи; принуждение похищенной на продажу женщины к занятию проституцией; захват женщины или ребёнка путём угроз, насилия или с применением наркотических средств в целях их продажи; похищение младенца на продажу; причинение смерти потерпевшим или иных серьёзных последствий; продажа женщины или ребёнка за границу.

Уголовно наказуемыми являются также покупка похищенных на продажу женщин или детей (ст. 241 УК) и воспрепятствование путём насилия и угроз освобождению купленных женщины или ребёнка (ст. 242 УК). При этом в УК Китая имеются и две общие нормы, предусматривающие ответственность как за незаконное лишение свободы (ст. 238), так и за похищение человека или его захват в качестве заложника (ст. 239).

Столь пристальное внимание законодателя к проблеме уголовно-правовой охраны интересов женщин и детей объясняется не только национальными и историческими традициями, но и особенностями демографической ситуации в некоторых регионах страны: преобладанием мужской части населения над женской. Подобные преступления в современном Китае представляют собой отнюдь не единичные случаи. Поэтому и столь детальная их регламентация в уголовном законе выглядит вполне объяснимой и обоснованной.

В указанной главе содержатся и другие нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на различные виды конституционных прав и свобод человека и гражданина. Так, в ст. 243–246 УК Китая уголовно наказуемыми признаются клевета, оскорбление, незаконное вторжение в жилище, приём несовершеннолетних на работу, связанную с опасными условиями труда. По ст. 247 и 248 УК Китая караются отступления от требований уголовно-процессуального законодательства (допрос под пытками, избивание надзирателями заключённых).

Уголовная ответственность в УК Китая установлена также за пропаганду национальной ненависти (ст. 249), за публикацию в печатном издании материалов, дискриминирующих или оскорбляющих национальные меньшинства (ст. 250), за посягательства на свободу вероисповедания (ст. 251), за нарушение тайны переписки (ст. 252, 253) и др. Всё это свидетельствует о том, что по сравнению с

УК КНР 1979 г. в Кодексе 1997 г. заметно расширилась сфера охраняемых при помощи уголовного закона демократических прав и свобод человека и гражданина, что, очевидно, можно расценивать как тенденцию к дальнейшей демократизации уголовной политики современного Китая.

Есть, однако, и в УК 1997 г. запрет, обладающий ярко выраженным «китайским» колоритом. Речь идёт о ст. 259 УК. В ней сформулировано правило, согласно которому преступлением признается «сожитительство или вступление в брак с лицом, заведомо являющимся супругой (супругом) лица, находящегося на действительной военной службе». Причём при наличии отягчающих обстоятельств данное преступление приравнивается уже к изнасилованию и влечёт применение наказания по правилам ст. 236 УК. Сохранение в УК Китая 1997 г. столь специфического состава преступления (не имеющего аналогов в законодательствах других стран) есть свидетельство особого положения армии в жизни китайского общества, стремление руководства страны поддержать её авторитет, укрепить нравственный дух, в том числе и с помощью такого своеобразного средства, каковым является воспроизведённый выше уголовно-правовой запрет.

Преступления против собственности (гл. 5 УК) по своему составу и описанию в основном схожи с аналогичными деяниями, содержащимися в УК КНР 1979 г. Увеличилось лишь число соответствующих норм. Разнообразнее стали квалифицирующие признаки этих преступлений.

Традиционными видами посягательств на собственность признаются: разбой (ст. 263), грабёж (ст. 267, 268), кража (ст. 264), мошенничество (ст. 266), вымогательство (ст. 274), незаконное присвоение чужого имущества (ст. 270), умышленное уничтожение имущества (ст. 275), уничтожение механизмов и оборудования, нанесение увечий рабочему скоту или причинение вреда производству и хозяйству иными способами из мести или в иных личных целях (ст. 276).

Вместе с тем криминализации подверглись и некоторые нетипичные посягательства на собственность. Так, в ст. 265 УК установлена ответственность за незаконное подсоединение к каналам связи других людей, дублирование чужого номера электронной почты или использование заведомо незаконно подсоединенного, дублированного электронного оборудования и устройства в целях извлечения прибыли. Наказуемыми стали также незаконное присвоение (ст. 271) и незаконная растрата (ст. 272) сотрудниками компании, предприятия или иной организации принадлежащего им имущества путём злоупотребления своим служебным положением; уклонение от уплаты трудящимся вознаграждения (ст. 276¹).

Резко увеличилось число норм в гл. 6 «*Преступления против порядка управления и общественного порядка*». Это побудило законодателя ввести в данную главу дополнительную рубрикации. В настоящее время структура анализируемой главы выглядит следующим образом:

- преступления против общественного порядка (§ 1);
- преступления против правосудия (§ 2);
- преступления против управления государственной границей (пограничной линией) (§ 3);
- преступления против управления памятниками культуры (§ 4);
- преступления против общественного здравоохранения (§ 5);
- преступления против окружающей среды и природных ресурсов (§ 6);
- преступления, связанные с контрабандой, сбытом, перевозкой и изготовлением наркотиков (§ 7);
- преступления, связанные с организацией, принуждением, вовлечением в занятие проституцией, предоставлением помещений для этой цели и сводничеством (§ 8);
- преступления, связанные с изготовлением, продажей, распространением порнографической продукции (§ 9).

Как нетрудно убедиться уже из одного только перечня охраняемых уголовным законом общественных отношений, круг деяний, криминализованных в гл. 6 УК, достаточно широк. В него входят посяательства на различные стороны порядка управления и общественного порядка.

Оценивая произошедшие в данной главе УК изменения в целом, можно констатировать, что столь заметное расширение сферы уголовной репрессии явилось следствием двух взаимосвязанных причин. С одной стороны, возникли новые общественные отношения, нуждающиеся в уголовно-правовой защите, с другой – появились новые виды общественно опасных деяний, требующие уголовно-правовой борьбы с ними. В любом случае законодатель встал перед необходимостью внесения серьёзных коррективов в уголовное законодательство с тем, чтобы отразить в нём новые обстоятельства. В результате под защиту уголовного закона были поставлены относительно (или даже абсолютно) новые общественные отношения, например, в сфере распространения компьютерной информации (ст. 285–287); в сфере управления государственной границей; организация нелегального пересечения государственной границы (ст. 318), получение обманным путём паспортов, виз и других выездных документов (ст. 319), предоставление другим лицам фальшивых, поддельных паспортов, виз и иных въездных (выездных) документов (ст. 320), незаконная перевозка лиц через государственную границу (ст. 321); в сфере контроля за культурными ценностями: незаконная продажа или дарение иностранному гражданину коллекционных памятников культуры, запрещённых государством к вывозу из страны (ст. 325), тайные раскопки и разграбление памятников древней культуры (ст. 328); в сфере здравоохранения: распространение инфекционных заболеваний (ст. 330, 331), незаконная организация продажи крови, её сбор, снабжение ею (ст. 333, 334), незаконное занятие врачебной

практикой (ст. 336); в сфере охраны окружающей среды: незаконное размещение, хранение или выброс в землю воду или атмосферу радиоактивных отходов (ст. 338), незаконный выброс, складирование ввезенных из-за рубежа твёрдых отходов (ст. 339); в сфере обращения порнографической продукции: организация показа порнографических кинофильмов, видеофильмов и иной аудио- и видеопродукции (ч. 2 ст. 364), организация проведения порнографического представления (ст. 365).

Особое внимание в рамках данной главы законодатель уделяет проблемам борьбы с традиционными для Китая наркопреступностью и проституцией. Так, в ст. 347 УК детальнейшим образом регламентируется ответственность за контрабанду, сбыт, перевозку и изготовление наркотиков. Кстати, под таковыми (в соответствии со ст. 357 УК) подразумеваются: опиум, героин, метиламфетамин («ледяной наркотик»), морфий, гашиш, кокаин, а также иные находящиеся под контролем государства наркотические средства и психотропные вещества, могущие вызвать у людей привыкание.

Наказуемость этих преступлений поставлена в жёсткую зависимость от объёма находящихся в незаконном обороте наркотических средств. Деяние признается уголовно наказуемым (основной состав), если имеют место контрабанда, сбыт, перевозка или изготовление опиума в количестве менее 200 г, героина или метиламфетамина в количестве менее 10 г или иных наркотиков в небольшом объёме. Квалифицированным оно становится при совершении тех же действий в отношении опиума в количестве 200 г и более, но менее 1000 г, героина или метиламфетамина в количестве 10 г и более, но менее 50 г, или иных наркотиков в сравнительно крупном объёме. Наконец, особо квалифицированным преступление считается при наличии опиума в количестве свыше 1000 г, героина или метиламфетамина в количестве свыше 50 г или иных наркотиков в крупном объёме. Особо квалифицирующими обстоятельствами признаются также: а) руководство группой, занимающейся контрабандой, сбытом, перевозкой или изготовлением наркотиков; б) вооруженное прикрытие контрабанды, сбыта, перевозки или изготовления наркотиков; в) сопротивление с применением насилия проведению досмотра, задержанию и аресту;

г) участие в организованном международном наркобизнесе (ч. 2 ст. 347 УК).

О бескомпромиссном характере борьбы с наркопреступностью в современном Китае свидетельствуют подчёркнуто суровые санкции соответствующих норм. Например, в той же ч. 2 ст. 347 УК в качестве наказаний фигурируют лишение свободы сроком на 15 лет, бессрочное лишение свободы и смертная казнь. Наряду с этим законодатель счёл возможным за совершение указанных преступлений установить уголовную ответственность и для юридических лиц.

Наказуемыми по уголовному законодательству Китая признаются также хранение наркотических средств (ст. 348 УК), оказание в той или иной форме

содействия лицам, занимающимся контрабандой, сбытом, перевозкой или изготовлением наркотиков (ст. 349 УК), незаконные операции с веществами, используемыми в качестве сырья для производства наркотиков (ст. 350 УК), незаконное культивирование мака опиумного, конопли или других растений (ст. 351 УК), вовлечение, подстрекательство, привлечение обманным путём других лиц к употреблению наркотиков (ст. 353 УК), предоставление помещения другим лицам для употребления наркотиков (ст. 354 УК) и др.

В специальной литературе отмечается, что борьба с проституцией традиционно представляет большую проблему как для Китая, так и для других стран. Опыт КНР в данном отношении весьма любопытен и позитивен. Согласно официальной точке зрения с этим явлением в стране в основном было покончено в достаточно короткое время после образования социалистического государства. Однако политика реформ и открытости, провозглашённая в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в., способствовала возрождению проституции прежде всего в приморских районах и портах. К середине 90-х гг. минувшего столетия представительницы (и представители) «древнейшей профессии» распространились уже практически по всему Китаю. Кроме того, проблема стала приобретать интернациональный характер за счёт притока в Китай «жриц любви» из сопредельных стран: Кореи, Таиланда, России, Монголии, Казахстана и др.

Всё это потребовало соответствующей реакции со стороны законодателя: вместо двух норм, имевшихся в УК КНР 1979 г. и посвящённых борьбе с этим злом, в УК Китая 1997 г. насчитывается уже пять. Криминализации, в частности, подверглись: организация или принуждение других лиц к занятию проституцией (ст. 358), вовлечение других лиц в занятие проституцией, предоставление для этого помещения, сводничество (ст. 359), занятие проституцией или развратом лицом, заведомо знающим о своём заболевании сифилисом, гонореей или другими венерическими заболеваниями (ст. 360).

Особый интерес представляет ст. 361 УК Китая. В ней сформулирован довольно своеобразный уголовно-правовой запрет. Суть его заключается в том, что ответственность за организацию, принуждение, вовлечение других лиц в занятие проституцией, предоставление помещений для этого, а также за сводничество устанавливается для специальных субъектов. Ими могут быть сотрудники гостиниц, обслуживающий персонал предприятий питания, работники культурно-развлекательных учреждений, таксомоторных фирм и иных организаций, которые используют условия указанных предприятий и организаций в целях совершения данного преступления. Статья 361 УК имеет оговорку: руководящие работники перечисленных предприятий и организаций, совершившие упомянутые в ней преступления, наказываются в рамках санкций этой статьи более строго.

В гл. 7 УК речь идет о *преступлениях против интересов обороны страны*. Эту главу отличают по меньшей мере три характерных момента. Во-первых, такой

главы не было в УК КНР 1979 г.: все нормы, закреплённые в ней, являются новыми. Во-вторых, данная глава представляет собой своеобразную «прелюдию» к гл. 10 УК «Преступления военнослужащих против воинского долга»: многие нормы из этих двух глав взаимно «перекликаются» друг с другом. В-третьих, выделением анализируемой главы в качестве самостоятельного раздела Особенной части УК законодатель подчеркнул, что субъектами преступных посягательств на интересы обороны страны могут выступать не только военнослужащие, но и гражданские лица.

Что касается вошедших в данную главу статей, то они представляют собой конгломерат трудноклассифицируемых составов преступлений, к тому же иногда дублирующих нормы из других глав УК Китая (например, ст. 378 практически дословно воспроизводит ч. 1 ст. 433). Ограничимся поэтому лишь перечислением наиболее типичных видов преступлений, включённых в анализируемую главу. Сюда, в частности, вошли: воспрепятствование военнослужащим в исполнении их служебного долга путём насилия и угроз (ст. 368 УК); нанесение ущерба оружию и воинскому снаряжению, военным средствам (ст. 369 УК); поставка войскам заведомо некачественных средств вооружения и военного снаряжения (ст. 370 УК); массовое нападение на военную запретную зону (ст. 371 УК); совершение афер лицом, выдающим себя за военнослужащего (ст. 372 УК); подстрекательство военнослужащего к дезертирству (ст. 373 УК); фальсификация, подделка, купля-продажа, кража или грабеж официальных документов, удостоверений или печатей вооружённых сил (ст. 375 УК); распространение ложных слухов и обман людей в военное время (ст. 378 УК); отказ от реквизиции для нужд армии в военное время при отягчающих обстоятельствах (ст. 381 УК).

В гл. 8 УК установлена ответственность за *«коррупцию и взяточничество»*. В отличие от российского китайский законодатель не только использует в уголовном законе сам термин «коррупция», но и даёт его определение. Коррупцией предлагается признавать присвоение, хищение, получение мошенническим путём или незаконное завладение иными способами общественным имуществом государственными служащими с использованием своих служебных преимуществ, а также лицами, которым государственными органами, государственными компаниями, предприятиями, организациями, народными объединениями поручено управление и хозяйственное распоряжение государственным имуществом, с использованием ими тех же преимуществ.

Из изложенного видно, насколько приведенная дефиниция ещё далека от того, чтобы признать, что в ней абсолютно точно, ясно и непротиворечиво отражено определяемое понятие. Поэтому вряд ли данная конструкция может стать образцом для подражания. Опыт законодателей других стран (в том числе Китая) показывает, что такого рода попытки чаще всего оказываются неудачными.

Как бы там ни было с самим понятием «коррупция», достоинством китайского законодательства следует признать хорошо дифференцированную систему мер наказания за коррупционные преступления. При этом основным критерием такой дифференциации выступает размер средств (в юанях), присвоенных в результате осуществления коррупционных действий.

Взятничество, как об этом можно судить исходя из смысла ст. 382, 383 и 386 УК Китая, является разновидностью коррупции, но в то же время рассматривается и как самостоятельное преступление, слагающееся из получения, дачи взятки и посредничества во взяточничестве.

Получением взятки признаются действия государственных служащих, использующих свои служебные полномочия или преимущества, созданные служебным положением, для получения просителями незаконной выгоды через служебные действия других государственных служащих, либо требование или получение имущества просителей (ст. 388 УК). Как дача взятки расценивается передача государственному служащему имущества в целях получения незаконной выгоды. К даче взятки приравнивается также передача государственному служащему имущества в значительном размере либо выдача государственному служащему именного комиссионного или агентского вознаграждения в процессе осуществления хозяйственно-экономической деятельности в нарушение государственных установлений (ст. 389 УК).

Нетрудно убедиться, что китайский законодатель довольно широко трактует понятие как получения, так и дачи взятки, охватывая этими терминами, по сути, и некоторые другие разновидности злоупотреблений по службе.

Особенностью УК 1997 г. является установление за дачу взятки уголовной ответственности и для юридических лиц (ст. 393 УК), а также попытка решить в самом уголовном законе проблему так называемых подарков. В последнем случае вступает в силу следующее правило: государственные служащие, обязанные в соответствии с государственными установлениями сдать подарки, полученные при несении государственной службы в стране или в процессе осуществления внешних связей, но не сдавшие в казну указанные подарки при значительной стоимости последних, подлежат наказанию в соответствии со ст. 382, 383 УК, т. е. как коррупционеры-взяточники.

Ещё более любопытный законодательный пассаж отражён в ст. 395 УК. В соответствии с указанной нормой государственные служащие, стоимость имущества которых или расходы которых заметно превышают величину законных доходов и это превышение составляет значительную сумму, могут быть обязаны объяснить источник доходов. При невозможности подтверждения законности доходов сумма, составляющая разницу между подтверждёнными и неподтверждёнными доходами, считается незаконно полученной. В этом случае следует наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет или ареста, а излишки имущества подлежат взысканию.

Словом, современный УК Китая содержит довольно широкий арсенал весьма разнообразных средств (включая и некоторые нетипичные) борьбы с коррупцией и взяточничеством. Из сообщений прессы известно, что эти меры (зачастую в чрезвычайно жёсткой форме) столь же широко применяются на практике. Но, к сожалению, известно и другое: Китай по-прежнему занимает одно из ведущих мест в чёрном списке наиболее коррумпированных государств мира.

Специфика гл. 9 «*Должностные преступления*» УК Китая состоит в том, что, во-первых, она теснейшим образом связана с предыдущей, поскольку все коррупционные преступления и взяточничество так или иначе пересекаются с должностной преступностью; во-вторых, субъектами преступлений, входящих в анализируемую главу, могут быть только особые категории лиц, а именно «работники государственных органов»; в-третьих, в ней установлена ответственность за совершение преступлений не только работниками государственных органов как таковыми, но и отдельными их категориями (работниками таможенных органов, работниками органов лесной промышленности, работниками природоохранительных органов и др.).

Ключевым моментом для правильной уголовно-правовой характеристики преступлений, включённых в гл. 9 УК, является уяснение того, кто может быть признан специальным субъектом этой категории преступлений. Исходя из смысла и контекста норм гл. 9 УК Китая таковыми следует признать «работников государственных органов». В ст. 93 УК даются узкая и широкая трактовки этого понятия. Представляется, что законодатель ограничил сферу применения гл. 9 лишь случаями, когда соответствующее преступление совершается государственными работниками, выполняющими служебные обязанности в государственных органах. Иными словами, он дал ограничительное толкование специального субъекта рассматриваемой категории преступлений в точном соответствии с теми положениями, которые зафиксированы в ч. 1 ст. 93 УК.

Все должностные преступления, ответственность за совершение которых сформулирована в гл. 9 УК Китая, можно подразделить на две большие группы: в первую входят общие, во вторую – специальные виды преступных посягательств на интересы государственной службы.

К преступлениям первой группы относятся: злоупотребление служебными полномочиями (ст. 397 УК); разглашение государственной тайны (ст. 398 УК); нарушение правил при приёме на работу государственных служащих или приеме учащихся (ст. 418 УК); проявление полной безответственности, повлекшей порчу или утрату редких культурных ценностей (ст. 419 УК).

Вторую группу составляют: незаконные действия сотрудников органов юстиции в сфере осуществления правосудия (ст. 399 УК); вынесение заведомо незаконного решения арбитром (ст. 399¹); незаконное освобождение сотрудниками

органов юстиции находящихся под стражей лиц (ст. 400 УК); незаконное смягчение наказания, применение условно-досрочного освобождения из заключения или отсрочки исполнения приговора сотрудниками органов юстиции (ст. 401 УК); непередача работниками правоприменительных органов юстиции дел, подлежащих уголовному расследованию (ст. 402 УК); нарушение работниками налоговых органов правил сбора налогов (ст. 404 УК); нарушение работниками налоговых органов правил возврата налогов и экспортных пошлин (ст. 405 УК); нарушение работниками органов лесной промышленности положений Лесного кодекса (ст. 407 УК); нарушение работниками природоохранных органов правил охраны окружающей среды (ст. 408 УК); нарушение работниками органов здравоохранения правил профилактики инфекционных заболеваний (ст. 409 УК); нарушение работниками органов землепользования положений Закона о земле (ст. 410 УК); попустительство работниками таможенных органов контрабанде (ст. 411 УК) и др. Анализ приведённого перечня составов преступлений позволяет сделать вывод, что в китайском уголовном законодательстве термином «должностные преступления» охватываются деяния, которые в правосознании российских юристов давно и прочно связаны с представлением о них как о преступлениях против правосудия, в сфере экономической деятельности, экологии. Законодатель же Китая полагает целесообразным объединить их в одну главу, используя в качестве главного криминообразующего критерия особенность субъекта данной группы преступлений.

Венчает Особенную часть Уголовного кодекса гл. 10 *«Преступления военнослужащих против служебного долга»*. Она содержит в целом традиционный для стран социалистической ориентации набор воинских преступлений (и в этом смысле чем-то напоминает соответствующую главу УК РСФСР 1960 г.).

Преступлениями военнослужащих против воинского долга признаются нарушение военнослужащим воинского долга, причинение им вреда интересам обороны страны, подлежащие по закону уголовному наказанию (ст. 420 УК). Субъектами этих преступлений согласно ст. 450 УК считаются: офицеры, штатские кадровые работники, рядовые и курсанты военных учебных заведений, находящиеся на действительной военной службе в Народно-освободительной армии Китая; офицеры, штатские кадровые работники, рядовые и курсанты военных учебных заведений, находящиеся на действительной службе в войсках Китайской народной вооружённой милиции, а также исполняющие воинский долг резервисты и иные лица.

В отличие от УК РФ 1996 г., в китайском Уголовном кодексе 1997 г., в анализируемой главе, сосредоточены преступления против воинского долга, совершённые не только в мирное, но и в военное время. Военное время согласно ст. 451 УК трактуется как период, на который государство объявило введение военного положения в стране, или когда войска получили приказ выполнять задачи

по ведению боевых действий, или когда государство подверглось внезапному нападению противника. Период, когда войска выполняют задачи по введению особых ограничительных мер или по улаживанию внезапно вспыхнувших насильственных волнений, также расценивается как военное время.

Поскольку преступления, включённые в гл. 10 УК Китая, самим законодателем практически не систематизированы и представляют собой логически невыстроенный набор разнообъектных составов, ограничимся перечислением наиболее типичных из них.

В группу преступлений, могущих быть совершёнными исключительно в военное время, входят: неповиновение приказу в военное время (ст. 421 УК); умышленное сокрытие сведений, предоставление заведомо ложных сведений об обстановке на фронте или отказ от передачи военного приказа, передача военного приказа в искажённом виде (ст. 422 УК); проявление трусости на поле боя, самовольное сложение оружия и сдача в плен (ст. 423 УК); оставление поля боя до или после начала сражения (ст. 424 УК); неподчинение приказу командира, проявление трусости перед сражением, недостойное, пассивное поведение во время боя (ст. 428 УК); распространение ложных слухов в целях разложения морального духа армии (ст. 433 УК); уклонение от исполнения обязанностей военной службы путём причинения себе телесного повреждения (ст. 434 УК); умышленное оставление раненых и больных военнослужащих на поле боя (ст. 444 УК) и др.

К преступлениям мирного и военного времени относятся: воспрепятствование путём насилия и угроз командиру, дежурному, вахтенному в исполнении ими своих служебных обязанностей (ст. 426 УК); злоупотребление должностными полномочиями, отдача подчинённым указаний о выполнении действий, связанных с нарушением воинского долга (ст. 427 УК); самовольное оставление своего поста, измена и бегство за границу или измена за границей и невозвращение из-за границы в период несения военной службы (ст. 430 УК); незаконное завладение военной тайной посредством хищения, шпионажа или подкупа (ст. 431 УК); бегство из военной части (ст. 435 УК); хищение, кража оружия и вооружения или материальных ценностей военного назначения (ст. 438 УК); незаконная продажа, передача находящегося на вооружении оружия (ст. 439 УК); неповиновение приказу, оставление оружия и вооружения (ст. 440 УК) и др.

Завершая обзор Особенной части УК Китая 1997 г., резюмируем изложенное. В первую очередь отметим несомненный прогресс современного уголовного законодательства Китая по сравнению с УК КНР 1979 г. Позитивные преобразования затронули прежде всего саму систему Особенной части Уголовного кодекса.

Нетрудно убедиться, исходя из приведённых выше данных и анализа соответствующих новелл, что с принятием УК 1997 г. сфера уголовной репрессии в современном Китае резко расширилась, а криминализационные тенденции возобладали над

декриминализационными. Но признать эти тенденции негативными было бы опрометчиво. Дело в том, что необходимость расширения до известных пределов сферы уголовной ответственности может быть вполне оправдана целым рядом причин:

- 1) выявившимися на практике пробелами в уголовной наказуемости;
- 2) появлением новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите, или новых общественно опасных деяний, требующих уголовно-правовой борьбы с ними;
- 3) заключением международных соглашений, в которых участвует государство;
- 4) укреплением гарантий защиты конституционных прав и свобод граждан;
- 5) целесообразностью выделения специальных составов из общих.

Очевидно, что установление уголовной наказуемости деяний при наличии указанных причин нельзя признать недостатком уголовного законодательства. И в этом смысле законодатель Китая (равно как и законодатель России при принятии в 1996 г. нового УК) всего лишь отразил в УК 1997 г. объективные потребности государства в установлении круга уголовно-правовых запретов в изменившихся условиях. Другое дело, насколько при этом были учтены и соблюдены все требования, предъявляемые к процессу криминализации на всех его этапах, насколько совершенными оказались сформулированные уголовно-правовые новеллы, насколько они адекватны тем потребностям, которые вызвали их к жизни.

Ответ на все эти вопросы можно дать лишь в результате содержательного анализа Особенной части УК Китая. Такой анализ, в частности, показывает, что современное уголовное законодательство Китая по широте охвата им круга охраняемых общественных отношений и глубине проработки соответствующих уголовно-правовых запретов выгодно отличается от аналогичных разделов уголовных кодексов не только стран социализма (КНДР, Вьетнам), но и экономически развитых стран АТР (Япония, Республика Корея). Парадоксально, но факт: многие аспекты уголовно-правовой борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности в УК Китая регламентированы гораздо более всесторонне и детально, чем это сделано в уголовном законодательстве ряда ведущих экономических держав мира. Особого внимания законодателей других зарубежных государств (в том числе российского) заслуживает опыт установления в уголовном законе Китая и применения на практике института уголовной ответственности юридических лиц за совершение целого ряда преступлений.

Было бы, однако, несправедливо не отметить сохранившуюся до сих пор чрезмерную политизированность отдельных норм, неоправданную жёсткость санкций, наличие дублирующих одна другую статей, затрудняющих процесс квалификации и создающих проблемы для правоприменителей при разграничении ими смежных составов преступлений. Можно обратить внимание и на некоторые

издержки законодательной техники, выразившиеся, в частности, в чрезмерной казуистичности при конструировании ряда норм.

Однако даже последний недостаток может быть признан извинительным, поскольку УК Китая 1997 г. представляет собой, скорее всего, нечто вроде «закона промежуточного действия», рассчитанного исключительно на период проведения реформ. По окончании этого периода он, вероятно, будет заменён на новый, гораздо более совершенный. Если это так, то нынешние нормы Особенной части УК призваны сыграть роль своеобразного «полигона», на котором будут отработаны оптимальные модели будущего законодательства Китая.

Как уже говорилось, поправками № 11, принятыми 26 декабря 2020 г., внесён ряд изменений в Особенную часть УК Китая. В целом суброгации и дополнениям подверглись:

1) нормы о преступлениях, составы которых в качестве потерпевших предусматривают несовершеннолетнее лицо (например, усилено наказание за изнасилование малолетней в возрасте до 10 лет; криминализовано совершение лицом полового сношения с девушкой-подростком, находящейся в зависимости от виновного; признаны преступными публичные развратные действия и др.);

2) нормы о посягательствах против общественной безопасности и безопасности производства (например, введена ответственность за сбрасывание предметов с высоты, за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств; ряд статей дополнен квалифицирующими признаками);

3) нормы о преступлениях, нарушающих финансовый порядок (например, преступными признаны организация и склонение акционером, фактическим владельцем акций к мошенничеству при выпуске акций и облигаций; разглашение важной информации фактическим владельцем акций в нарушение установленных требований и др.);

4) нормы о преступлениях в сфере пищевых и лекарственных средств (например, криминализовано незаконное предоставление поддельных или некачественных лекарств);

5) нормы о преступлениях, нарушающих права интеллектуальной собственности (в большей степени затронуты санкции соответствующих статей и внесены редакционные уточнения);

6) нормы о преступлениях, препятствующих профилактике и лечению инфекционных заболеваний, борьбе с эпидемиями, а также посягающих на генетическую безопасность человечества (например, предусмотрена уголовная ответственность за незаконное изменение человеческих геномов, клонирование эмбрионов и др.);

7) нормы о преступлениях против природной среды (например, криминализованы предоставление ложных сведений о состоянии окружающей среды, разрешение национальных парков и национальных заповедников и др.).

Поправками № 11 внесены и другие изменения и дополнения в нормы Особенной части УК Китая, направленные на совершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за деяния, обусловленные современными потребностями китайского общества.

Список источников

1. Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч. I // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 2022. Т. 24, № 2. 119–133.
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. А. И. Чучаева, А. И. Коробеева; пер. с кит. проф. Хуан Даосю. 2-е изд. М. : ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2021. 312 с.
3. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики // КНР. Конституция и законодательные акты / пер. с кит. М. : Прогресс, 1984.
4. Ахметшин Х. М., Ахметшин Н. Х., Петухов А. А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000. 428 с.

References

1. Chuchaev A. I., Korobeev A. I. The Criminal Code of China: an alloy of legal thought and national specifics. Part I. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific RIM: Economics, Politics, Law*, 2022, vol. 24, no. 2. 119–133. (In Russ.).
2. Chuchaev A. I., Korobeev A. I. (eds.); Huang Daoxu (transl. from Chinese). Criminal Code of the People's Republic of China. 2nd ed. Moscow: Legal Firm Contract LLC, 2021. 312 p. (In Russ.).
3. The Criminal Code of the People's Republic of China // PRC. Constitution and legislative acts / transl. from Chinese. M., 1984.
4. Akhmetshin H. M., Akhmetshin N. Kh., Petukhov A. A. Modern criminal legislation of the PRC. Moscow, 2000. 428 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. И. Чучаев – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия.

А. И. Коробеев – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Information about authors

A. I. Chuchaev – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

A. I. Korebeev – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.